

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРАЗДНИКА ЦАГАН САР («БЕЛЫЙ МЕСЯЦ») У КАЛМЫКОВ

Т. Г. Басангова

Аннотация: В статье проанализированы тексты благопожеланий, которые являются необходимым вербальным компонентом в структуре календарного обряда Цаган Сар для калмыков. Калмыки верили и продолжают верить в магию йорелов, произнесенных в день Цаган Сара.

Ключевые слова: Цаган Сар, калмыки, вербальный компонент, обряд, календарный праздник, благопожелания.

Праздник наступления весны называется Цаган Сар (Белый месяц) или Цагалган. Профессор Г. Цыбиков отмечал, что это название происходит от слова «цаган», поэтому «цаган сар» можно перевести как «белый творожный месяц» (Цыбиков, 1981: 168). Одно из самых ранних упоминаний о праздновании калмыками Цаган Сар принадлежит И. Унковскому, возглавлявшему посольство к джунгарскому хун-тайджи Цеван-Рабтану. И. Унковский подробно описал празднование, проходившее 26 января 1723 г. Более всего его поразило, что «калмыцкие ламы плясали» (Унковский, 1887: 146). В исторических сведениях о калмыках не сохранилось описания всего ритуального комплекса праздника Цаган Сар. В результате исследований фольклористов и этнографов, а также благодаря информации знатоков фольклора восстанавливаются структура праздника и устно-поэтические тексты, исполняемые на этом празднике (Бакаева, 1994; Борджанова, 1999; Эрдниева, 1980). Праздник Цаган Сар получил отражение в эпосе «Джангар» в главе «О хане Докшин Шар Гюргю». Обрядовый цикл праздника в эпосе именуется «цага барихар» — весенняя церемония под-

Басангова Тамара Горяевна - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста.

ношения молочных продуктов в знак счастья и благополучия. Чтобы совершить обряд «цага барихар» к Джангару-богдо съезжаются три тысячи богатырей (Козин, 1940:173).

Праздник, прежде всего, ассоциируется с белым цветом, обозначающим, согласно цветовой символике монгольских народов, счастье, благоденствие, чистоту. Белым это народное торжество называется еще потому, что с наступлением весны калмыки начинали употреблять молочные продукты — цаһан идэн, т. е. белую пищу, куда входят молоко и его производные (өрм — сливки, тарг — простокваша, тосн — масло, үснэ деерк — снятое молоко). В соответствии с символикой белого цвета, обозначавшего чистоту и святость, к этому празднику готовились заранее, наводили чистоту в кибитке, перетряхивали одежду, как бы освобождаясь от старого, ненужного.

Отличительной чертой праздника Цагаан Сар было обновление жизни, заключавшееся в изготовлении новой одежды: богатые калмыки шили шубы, нарядные платья и обувь, бедные — недорогие платья и нательное белье. В порядок приводили хозяйство: перековывали коней, чистили дворы.

Сам праздник проводился как семейное, внутриродовое и общественное торжество. В Цаган Саре отражены черты народного праздника, но его основная часть проходила в хуруле. Одним из элементов богослужения было исполнение песни, посвященной Цаган Сару. Трое мужчин подносили хурулу чашу с калмыцким чаем и пели песню, в которой они обращались к Окон-Тенгри с мольбой о благополучии (Орлов, 2005: 37).

Праздник Цаган Сар воспринимался как прославление перехода от зимних бурь и лишений к благодатной весне. Приветствие калмыков в дни праздника называлось «цагалган». Один человек говорил другому: «цагалый», то есть «поприветствуйте друг друга в дни праздника Цаган Сар». Кроме приветствия, калмыки задавали обязательный вопрос: «Благополучно ли вышли из зимовки члены вашей семье и домашний скот?»

Каждый день праздника имел свою символику. День непосредственно перед началом Белого месяца называли «день, когда делают борцоки». В процессе их приготовления участвовала вся семья. По свидетельству наших информантов, приготовление борцоков было связано с ритуалом «күңшү һарһах» (инф. Б. П. Амбекова), буквально это означает «издавать особый приятный запах». От приготовления борцоков, при их жарке, поднимался приятно пахнувший дым, который воспринимался как жертвоприноше-

ние небу. Приготовление борцоков — обязательный ритуал в праздновании Цаган Сара.

Относительно борцоков еще П. С. Паллас отмечал, что «калмыки в эту ночь жарят из теста, молока и масла, а богатые даже из сахара и меду, маленькие лепешки, называемые боорсук, внутри выдавленные пальцем и имеющие форму улиткообразную, круглую или продолговатую» (Паллас, 1773–1788: 190). Борцоки, приготавливавшиеся за день до начала праздника, делились на три группы: для дееджи (первая порция — бурханам), для подарков родным во время визитов и для праздничного угощения.

Наиболее полно символика борцоков отражена в работе Э. Ч. Бардаева «Борцоки праздника Цаган» (Бардан, 1996), информатором для исследователя был народный поэт Калмыкии С. Каляев, который объяснил значение традиционного ритуального кушанья, приготовленного из муки.

Структура повествования о борцоках в интерпретации С. Каляева выглядит следующим образом: 1) объяснение названия каждого вида борцока; 2) примеры из калмыцкого фольклора (пословица, поговорка, йорел) как дополнительного источника, раскрывающего символику каждого вида.

Главным назначением борцоков, приготовленных на Цаган Сар, было символическое призывание весны, быстрого расцвета природы, нового жизненного цикла в животном мире, растительности. Ритуальные изделия из муки пронизаны скотоводческой и кочевой символикой. Борцоки как ритуальная пища подразделялись на несколько видов: борцоки, связанные своей символикой со сменой времен года и наступлением весны, назывались халун, халуна толха (гусь, гусиная голова) и по своему назначению были подобны русским испеченным из теста «жаворонкам» в обряде «защипывания весны» (Бутринова, 2002: 131–135).

Одним из основных ритуалов Цаган Сара было приветствие, с которым обращались друг к другу: «Менде, менде, благополучно ли вышли из зимы?» Этот ритуал отражен в названии борцока мендин белг (подарок, дающийся при приветствии). Борцок мендин белг, по С. Каляеву, символизировал дружбу между людьми, что воплотилось в пословице, посвященной ему: «Хоть у нас два острия, но мы никогда не расстанемся». Этот вид имел и другое название — шор боорцг (борцок с острием).

Со скотоводческой символикой были связаны несколько видов этих мучных изделий. Хорха боорцг — борцоки, похожие на насекомых, воплощали своей формой йорел-благопожелание: «Пусть будет на земле скота много, как насекомых». Борцок с рогами (эвртэ боорцг) олицетворял глав-

ное богатство калмыков — крупный рогатый скот, у калмыков бытовало представление о том, что некогда тенгрии и бурханы даровали им этот скот как средство пропитания. Борцок хуцын толһа (голова барана) выступал в качестве жертвоприношения в переходных обрядах, заменяя настоящую баранью голову.

С четырьмя видами скота, которые выращивали калмыки, были связаны борцоки темэн (верблюды), а также мошкыр (скрученные жгуты) и кит, напоминающие кишки животных, конские в частности.

Борцоком, означающим круговорот жизни и солнце, был целвг — круглая лепешка. С. Каляев символику этого вида объясняет следующим образом: своей формой он напоминает степное озерцо — цандг, в котором поили скот. Если края борцока не защипывали, он символизировал цветущую низину, покрытую травой, на которой пасся скот.

Круг как символ бесконечности жизни демонстрирует и тоһш, имеющий вид бублика, по сути, это тот же целвг. Продление жизни — это значение и пожелание имели борцоки жола (вожжи), төөмдэ (калмыцкий узел). В реальной жизни завязывание особого, калмыцкого, узла было привилегией мужчин, но при приготовлении борцоков — женщин.

Калмык, ведущий кочевой образ жизни, в основном находился вне дома. Отправку в путь и пожелание «белой дороги» воплощали борцоки жола (вожжи), выступающие как символ счастья, удачи в благопожелании: «Алтн жолаһан эргулгж ир!» — «Возвращайся домой, повернув золотые вожжи!»

Борцоки таслмур (букв. — рвущиеся) были похожи своей формой на медные и серебряные монеты, которые служили оберегом для путника. В его адрес произносили благопожелание:

Цаһан мөңгн эдл цевр болж, Будь чистым, как белая монета,

Улан мөңгн эдл сээхн болж йов! Будь прекрасным, как красная монета.

Борцоки как ритуальная еда, приготовленная из муки, занимает промежуточное положение как продукт, относящийся и к сфере природы, и к сфере культуры; генетически они связаны с зерном. Зерно — мука — тесто — изделие из теста (хлеб, борцоки) связано с аграрным кодом в обрядовой жизни калмыков. В их ритуальной пище закладывались богатство, благополучие семьи. Борцоки изготавливали всей семьей за день до праздника, дарообмен ими во время Цаган Сара происходил между членами одного рода. Борцоки входили в состав подарков при сватовстве как символ созда-

ния новой семьи.

В честь приготовленных борцоков произносили йорел:

Хээрхн,	О хайрхан,
Боорцг-тоһштн элвг-делвг болж,	Пусть на вашем столе
Ут наста, бат кишгтэ болж,	Будет много борцоков,
Му күүкдтэһэн ханядн-тома уга бээж,	Которыми мы совершаете
Боорцг-тоһшан элвгэр кеж,	Подношение- дееджи бурханам.
Жил болһн иигж,	Живите долго и счастливо всей своей семьей,
Боорцгарн деежэн өргж	Вместе с детьми, во здравии и в радости,
Олн көгшдин йорэл шингэж,	Согласно йорелам стариков!
Байрта-бахта бээж болтн!	Живите

В ритуале дарообмена активно участвовали дети. Для них приготавливали связку борцоков, которую с вечера вешали у изголовья детской кровати. В процессе обмена борцоки могли опять попасть к хозяину, совершив магический круг, который лежит в основе жизненного цикла калмыков. Борцоки (хавтха, цельвек) имели круглую форму, олицетворяя символ солнца. Прохождение магического круга калмыки относили к разряду хороших примет, приносящих счастье (из сибирских воспоминаний автора). Роль круга значима в магических ритуалах и обрядах разных народов (Черепанова, 2001: 54; Халилов, 2001: 66; Сагалаев, 1990: 34–38). Затем глава семьи собирал домочадцев на питье чая, приготовленного по поводу праздника. Зажигали светильник-зул на алтаре и подносили дееджи — почетную пищу бурханам. В почетную пищу входили калмыцкий чай и борцоки — целвек (лепешки), борцок, напоминающий вожжи, — джола, борцок, напоминающий баранью голову, — хуцин толга. Хозяин дома проводил праздничные ритуалы. Целуя детей в правую щеку, произносил йорел:

Ут наста бол,	Проживи много лет,
Ирх жилдэн	На будущий год
Зүн халх үмсхүв.	Поцелую в левую щеку!

Старших членов семьи хозяин дома поздравлял по-другому. Подавал им правую руку, те должны были, обхватив его локоть с двух сторон, три раза поклониться. Затем начинался семейный ритуал распития чая. Хозяин дома произносил благопожелание:

Ирсн Цаһан өлзэтэ болж,	Пришедший к нам праздник Цаган
Жил болһн байртаһар	Встретим с радостью,
Цаһаһан тосж,	Пусть будем мы все живы-здоровы,
То бүрн, толһа менд бээж.	Выйдем из зимы без болезней и страданий,
Үвлэс оньдин гем-зовлң уга һарч.	Встретим радостно весну!
Мел гертәһән хавран тосж,	Будем пить сандаловый чай,
Улан зандн цәәһән уулцж	Будем жить в благоденствии
Цуһар сән, амулң бээцхэй!	Все вместе!

(инф. Б. П. Амбекова)

Один из ритуалов называется «цагана менд» — приветствие в день Цаган Сара. В ритуал входит обязательное хождение в гости: дети приходят с подарками к родителям, внуки и племянники — к своим старшим родственникам. По установленному обычаю, сначала нужно навестить близких родственников, в последующие дни — остальных. Даже далеко живущие приезжали в эти дни для встречи с родней. Существовали определенные нормы этикета: очередность визитов, характер подарков зависели от положения человека в обществе. Посещали своих родственников по матери — они всегда пользовались особым уважением; невестки приходили с детьми в дом родителей мужа для поклонения родовым предкам и покровителям. Замужняя дочь в праздник Цаган Сар могла навестить вместе с детьми своих родителей. Ритуал носил название «зе бәрх». В честь прихода внуков старики произносили благопожелание:

Му зеенр мини,	Мои дорогие внуки,
Амулңг менд үвлэс һарч,	Вы благополучно вышли из зимы,
Шар нарна харанд багтж,	Вам светит желтое солнце,
Менд амулңг бээцхәтн.	Живите счастливо и благополучно

(инф. Н. М. Дандырова).

Этикет праздника предполагал и символику жестов, подчиненных возрастному признаку. Ровесники и люди одного социального ранга протягивали друг другу обе руки, обхватывая ими правую руку приветствуемого до локтя с обеих сторон. Старший подавал одну руку младшему, который обхватывал ее обеими руками.

У калмыков есть понятие жирһлин байр — праздники счастья, к которым причислен также Цаган Сар (инф. Б. П. Амбекова). Это понятие соответствует исполнению обряда в целом и во всех его деталях: вывешивание новых вещей с целью привлечения нового, хождение в гости, обмен борцоками, поздравление друг друга с праздником. Все ритуалы календарных праздников должны призвать счастье (кишиг) калмыков (Басангова, 2006: 78).

В фольклорной традиции калмыков зафиксировано значительное количество текстов благопожеланий, в которых отражена структура праздника Цаган Сар. По своей художественно-поэтической форме благопожелания могут состоять из одной строфы или нескольких строф в зависимости от мастерства йорелчи.

В первой строфе йорела Цаган Сару упоминается богиня Окон-Тенгри, одержавшая победу над мангусами, которые хотели уничтожить весь мир. В фольклорной традиции калмыков сохранилось несколько текстов легенды о спасении небесной девой Окон-Тенгри людей от мифических существ — мангусов (Сандаловый ларец, 2002: 219; Хальмг туульс, 1974: 5). Во имя спасения человечества она уничтожает также зачатого ею от чудовища младенца, который должен был в будущем истребить людей. В честь нее в хурулах священнослужители выносят из храмов иконы с изображением Окон-Тенгри и совершают молебен. В йорелах-благопожеланиях первые строки зачина — это обращение к бурханам и Окон-Тенгри: «О хээрхн, оln Деедс, Окн Тенгрин сэкүсн евэж. — О, хайрхан, о Всевышние, будем почитать сякюсен Окон-Тенгри» (Борджанова, 1999: 167–168).

Первый день праздника проходил в застольях, считалось, что чем больше людей заходит в дом, тем более полным будет счастье в семье. Весь день произносили йорелы-благопожелания, и в первую очередь обращались к Окон-Тенгри:

О, хээрхн,

Оln бурхд, Окн Тенгр бурхн.

О, хайрхан,

Множество бурханов, Окон-Тенгри,

Күңшүртэ халун хотын ур дееж бэрж,	Пусть пар от нашей жертвенной пищи
Нал һалвын аюлас гетлг йовтха.	Достигнет Вашей земли,
Энд бээсн Окн Тенгрт	Пусть Окон-Тенгри
Нерэдсн халун уурта хотын	Спасет нас от огненной стихии,
дееж бэржэнэвидн,	Пусть она насытится жертвенной пищей,
Кишгән ардан өгч,	Пусть нам оставит свое счастье,
Сурж зальврвжанавидн.	Пусть защитит нас от страданий.

Обязательным в йореле было упоминание о ритуале приветствия в дни празднования Цаган Сара.

Пусть люди и весь скот
Выйдут из зимы благополучно,
Пусть приветствуют друг друга: «Менде!»

Донские калмыки при обряде «цагалган» обнимали друг друга одной рукой за плечи, второй — за спину под рукой другого человека, как обнимаются после долгой разлуки (Балыков, 1993: 123).

Существовало и особое приветствие, когда кисть правой руки прятали в рукав, полностью не показывали ее и не давали к ней прикоснуться. Руку приветствуемого пожимали в середине предплечья обеими руками. В фольклорной традиции синьцзянских калмыков сохранилась легенда, раскрывающая смысл этого жеста: «Люди радуются, что богиня Окон-Тенгри победила мангуса. Обычай здороваться в этот день, пожимать руки, не прикасаясь к ладоням, пошел от нее. Она только что убила мангуса и освободила людей от него. Но руки до сих пор не вымыла и поэтому она, Окон-Тенгри, прячет кисти рук в рукаве» (Менке-Буйни, 1996).

Цаган Сар для калмыков — это благополучный выход из зимы, данный мотив прослеживается во всех текстах йорелов. Калмыки верили в магию йорелов, произнесенных в день Цаган Сара. Полагали, что в день праздника нужно совершать только хорошие поступки, проявлять уважение к старшим, угощать их. Если Цаган Сар будет встречен со всеми ритуалами, присущими ему, то и год будет хорошим для человека и все его дела исполнятся. Содержанием йорелов была просьба, чтобы все плохое осталось позади, чтобы у всех людей была удача, чтобы наступивший год был лучше прежнего. Преодоление трудностей прошедшего года передается словосочетанием жилән дааһад һарсн, благополучный выход из зимы — үвлэс менд һарсн.

В йорелах отражена структура праздника Цаган Сар и обычаев предков, исполняемых в этот день: приношение жертвы бурханам, про-сьба-моление о благополучии семьи и скота, уважительные почести, оказываемые старшим, поздравления и благопожелания.

Список литературы:

- Бакаева, Э. П. (1994) Буддизм в Калмыкии. Элиста. 127 с.
- Балыков, С. Б. (1993) Девичья честь. Элиста : АПП «Джангар». 283 с.
- Бардан, Э. (1996) Цаһана боорцг // Хальмг үнн. Моһа сарин, 10 (На калм. яз.).
- Басангова, Т. Г. (2006) Концепт счастье в обрядовом фольклоре калмыков // Этнокультурная концептология. Вып. 1. Элиста.
- Борджанова, Т. Г. (1999) Магическая поэзия калмыков. Элиста. 180 с.
- Бутринова, И. В. (2002) Календарные обряды и поэзия весенних праздников на Орловщине // Юдинские чтения. Слово и образ. Курск. С. 131–135.
- Козин, С. А. (1940) Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.–Л. 252 с.
- Менке-Буйни, Ц. (1996) Цаһан Сарин нэр давулдг йосн // Хальмг үнн. Лу сарин 8. (На калм. яз.).
- Орлов, Д. Д. (2005) О времени и о себе. Воспоминания. Элиста: КалмГУ. 144 с.
- Паллас, П. С. (1773–1788) Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб. Ч. 3.
- Сагалаев, А. М. (1990) Круговорот жизни в урало-алтайской традиции // Известия СО АН СССР. Серия филологии, этнографии, философии. № 2. С. 34–38.
- Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки (2002). Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 239 с.
- Унковский, И. (1887) Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 гг. / предисл. и примеч. Н. И. Веселовского // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 10. Вып. 2.
- Халилов, Х. М. (2001) Концепт круга в структуре текста и в языке заговоров // Язык и поэтика фольклора. Доклады Международной конференции. Петрозаводск.
- Хальмг туульс (1974). IV боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач. 272 х. (На калм. яз.).
- Цыбиков, Г. (1981) Цагалган // Цыбиков Г. Избранные труды. Новосибирск. Т. 2.
- Черепанова, О. А. (2001) Концепт круга в структуре текста и в языке заговоров // Язык и поэтика фольклора. Доклады Международной конференции. Петрозаводск.
- Эрдниев, У. Э. (1980) Калмыки. Элиста. 312 с.

Дата поступления: 29.01.2015 г.

VERBAL COMPONENT OF TSAGAANSAR («WHITE MOON») OF KALMYKS

T. G. Basangova

Abstract: Article analyzes the texts of well-wishing which is an essential verbal component in the structure of calendary ceremony of Tsagaan Sar of Kalmyks. Kalmyks did and still do believe in the magic of yoreels delivered at the day of TsagaanSar.

Keywords: TsagaanSar, Kalmyks, verbal component, ceremony, calendary festival, well-wishing.